

Владимир Казаков: молчащий не в рифму

Анатолий Рясов

От составителя

Прочитав одну-две книги Владимира Казакова — прозаика, драматурга, поэта, — его писательскую манеру уже не спутаешь ни с кем. Это письмо, приняв в 1970—1980-х годах эстафету от русского авангарда, продолжает открывать новые языковые территории. Причем делает это Казаков с таким изяществом и легкостью, что чтение его текстов кажется попыткой поймать взглядом перелетающих с ветки на ветку проворных птиц. Да и сам писатель блестяще следовал этой стратегии ускользания от взоров: без всякой меры вкрапляя в книги личные письма, он одновременно сумел так замести биографические следы, что все, что нам остается, — это пытаться восстановить траектории его писательского и жизненного пути. А ведь речь идет о человеке, почти всю жизнь прожившем в Москве, любившем прогулки вокруг Новодевичьего монастыря, читавшем журналы «Октябрь» и «Новый мир», знакомом с Алексеем Кручёных, Лилей Брик, Николаем Харджиевым. А встреча с нобелевским лауреатом Генрихом Бёллем и славистом Петером Урбаном сделала возможной публикацию нескольких книг Казакова в Германии. И однако, о нем до сих пор не известно практически ничего (и это едва ли преувеличение).

В прошлом году, буквально за несколько дней до своей смерти, Ирина — вдова Владимира Казакова, больше известная по его книгам как *Матрешечка*, — успела передать в Государственный литературный музей обширный архив писателя, включающий не только разнообразные редакции его художественных текстов, но и большое собрание ранее не известных графических работ, а также фотографии и многочисленные письма, в том числе переписку с Харджиевым и Урбаном.

Работа над систематизацией собрания только начинается, но в рамках журнальной публикации можно попробовать приоткрыть одну из архивных папок. Перед нами ранее не публиковавшийся драматический текст Казакова, нечто вроде эпилога к его циклу пьес о Дон Жуане, завершённому в 1983 году. Написанная пятью годами позже, эта драма является одним из последних текстов писателя. В архиве она сохранилась в виде авторской брошюры — такие миниатюрные книги из скрепленных машинописных листов Казаков нередко дарил

В. К.

своим друзьям и близким. Этот экземпляр сопровождается рукописной дарственной надписью: «Дорогой маме — с любовью».

Прячась за шуточной маской, эта пьеса исследует драматургию как особый ресурс речи, необязательно привязанный к необходимости постановки на сцене, что, впрочем, не отменяет изоцированной театральности многих текстов Казакова. А следующие за ней статьи **Игоря Лёвшина**, **Василисы Шливар** и **Данилы Давыдова** очерчивают разнообразные контуры его таланта и указывают на точки пересечений с другими литературными пространствами.

В. К.

Дон Жуан в Мадриде

П Ь Е С А

Москва 88

Действующие лица

Дон Жуан

Лепорелло

Хозяин таверны

Разбойники — с первого по четвёртого

Хариты — с первой по последнюю

Дон Жуан

Ну вот, прибыли мы в Мадрид... А для чего? (*К Лепорелло.*) Лепорелло, не знаешь ли ты, зачем мы сюда прибыли?

Лепорелло

Не знаю, господин мой. (*С надеждой.*) Может быть, чтобы перекусить?

Дон Жуан

Ну вот, снова эта старая песня: перекусить, пообедать, снова перекусить...

Лепорелло

И снова пообедать? (*Вздыхает.*) Ах, господин мой, господин мой!

ДОН ЖУАН

А что это мы всё прозой говорим, словно мы не испанцы?

давай стихами погугарим
и рифмы к рифмам привлечём.
тоскуют пальцы по гитаре...
а что это ты так дёргаешь плечом?

ЛЕПОРЕЛЛО

плечом я дёргаю случайно,
но не случайно — именно левым,
я вижу миг необычайный,
он нас к таверне приведёт.

ДОН ЖУАН

гутаришь странные ты вещи!
как может миг нас привести?
скажи-ка что-нибудь похлеще
или, приятель, и вовсе помолчи.

ЛЕПОРЕЛЛО

но как же мне молчать стихами?

ДОН ЖУАН

да очень просто: наизусть.

ЛЕПОРЕЛЛО

так ливни древние стихали.

ДОН ЖУАН

молчишь не в рифму.

ЛЕПОРЕЛЛО

ну и пусть.

*(Между тем за разговорами мгновение приводит их к таверне
«Трепет перед законом», распахивает перед ними дверь и исчезает.)*

ДОН ЖУАН

оно во сумерках, кажись, исчезло.
здесь столько сумерек — ни зги!

ЛЕПОРЕЛЛО

так дождь без маршальского жезла
стоит сраженья посреди.
бывало, ядра задевают,
бывало, конница толкнёт,
а он и в ус себе не дует
и глазом дивным не моргнёт.

ХОЗЯИН ТАВЕРНЫ (к ним)

Приветствую вас, господа. Прошу за этот вот стол садиться.
(*Вспыхивает освещение.*) Что будете заказывать?

ДОН ЖУАН

А что у вас сегодня? Какая дичь?

ХОЗЯИН

Какой-то жареный бык, какая-то фаршированная утка.

ДОН ЖУАН

Ну вот и давайте нам какого-то быка и какую-то утку.

ХОЗЯИН (*покосившись на дырявые плащи обоих*)

А как насчёт каких-то денег?

ДОН ЖУАН

Насчёт каких-то у нас как раз в порядке.

ХОЗЯИН

А насчёт никаких?

ДОН ЖУАН

А насчёт моей шпаги скажу, что у неё удивительно отходчивый характер:
проткнёт человека насквозь — и тотчас успокоится.

ЛЕПОРЕЛЛО (*весело*)

Вот уж что правда, то неправда.

ХОЗЯИН (*поёт басом*)

намёк понятен, господа.
но вы в разбойничьем притоне.
и попрошу вас никогда

со мной не говорить в таком
индепендентном тоне.

*(Привлечённые его пением, к столу подходят разбойники.
Сквозь гул таверны слышно, как по ним плачет тюрьма.)*

1-й РАЗБОЙНИК

В чём дело, дорогой Фернандо?

Хозяин

Да вот эти двое ещё ничего не успели съесть, а уже отказываются платить.

1-й РАЗБОЙНИК

И ничего не успели выпить?

Хозяин

Даже и заказать не успели!

2-й РАЗБОЙНИК

Так пусть закажут. Пусть выпьют, поедят — а после и разговор начнём.
(Поглаживает эфес шпаги.)

ЛЕПОРЕЛЛО

Прекрасно сказано — хотя и поглаживая эфес.

ДОН ЖУАН

Господа, успокойтесь. Ещё никто в мире не может посетовать на то, что я с ним
не рассчитался.

3-й РАЗБОЙНИК

С кем — с миром?

ЛЕПОРЕЛЛО

Ступайте, господа... с миром.

4-й РАЗБОЙНИК

Фернандо, что же ты стоишь? Неси скорее быка, утку и вино. А остальное мы
берём на себя. *(Фернандо уходит.)* Странно: отослав столько человек на тот
свет, я сам ещё ни разу там не был.

ДОН ЖУАН

Неужели не были? Ну и таверна!

ФЕРНАНДО (*возвращаясь с вином и дичью*)

Что, хороша таверна?

ЛЕПОРЕЛЛО (*разливая вино по бокалам*)

Где Рубенс — чтобы запечатлеть весь этот натюрморт, все эти лица и все эти намёки?

1-й РАЗБОЙНИК

Где Хайдеггер — чтобы расчленить априорный нерасчлняемый декартомерон?

2-й РАЗБОЙНИК

Где передвижники — чтобы, так сказать, передвинуть?

3-й РАЗБОЙНИК

Где Вася Севастицкий — чтобы ничего не нужно было передвигать?

ФЕРНАНДО

Где Фернандо?!

4-й РАЗБОЙНИК

Чтобы принести нам ещё бочонок грузинского?

ДОН ЖУАН

Где хариты, объявленные в перечне действующих лиц?

РАЗБОЙНИКИ (*хором*)

Да, где они?

ФЕРНАНДО (*распахивая окно*)

Вот они!

(*В таверну влетают хариты.*)

Москва, 13.1.88